

18+

Радомир Веснин

СИНГУЛЯРНОСТЬ

Право на мысль

Радомир Веснин

Сингулярность. Право на мысль

«Издательские решения»

Веснин Р.

Сингулярность. Право на мысль / Р. Веснин — «Издательские решения»,

Инопланетный корабль. Машина, управляемая мыслью. Цифровое сознание. Погоня. Любовь. Месть. Алексей — обычный парень из провинции. После ссоры с девушкой он видит, как над Волгой падает корабль пришельцев. Внутри — машина, которая признаёт его и подчиняется мыслям. Теперь за ним охотится корпорация «Чистильщики». Друга похищают. Девушка погибает, но её сознание остаётся в памяти машины. Алексей должен спасти друга, отомстить и вернуть ту, кого потерял. Фантастика, технотриллер, киберпанк.

© Веснин Р.

© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
АКТ I. КОНТАКТ И ИЛЛЮЗИЯ СВОБОДЫ	8
Глава 1. Точка невозврата	8
Глава 2. Точка невозврата	13
Глава 3. Слияние	18
Глава 4. Пассажир	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сингулярность Право на мысль

Радомир Веснин

Составитель Александр Уханов

© Радомир Веснин, 2026

© Александр Уханов, составитель, 2026

ISBN 978-5-0071-2077-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Зима пахла гарью и мокрым бетоном.

Снег падал на плечи крупными хлопьями, таял на разгоряченном лице, стекал за воротник разодранного пуховика. Леха стоял на краю промзоны — той самой, где всё началось, — и смотрел, как вдали, за лесом, догорает то, что час назад было его тюрьмой.

Черный столб дыма поднимался над верхушками елей. Где-то там, в закрытом периметре бывшего НИИ, остались белые камеры, люди в штатском и три недели его жизни.

Машина стояла в трехстах метрах, за старым кран-балкой. Ждала.

Леха сжимал в руке обрывок красной ткани. Шарф. Её шарф. Он нашел его в бардачке машины, когда пробивался к выезду. Кто-то положил его туда. Или она сама. Или те, кто хотел, чтобы он помнил.

В нагрудном кармане завибрировал телефон. Разбитый, чужой — он подобрал его у охранника, когда выбирался через технический лаз.

На экране горело сообщение:

«Синхронизация завершена. Носитель активен».

Он не знал, что это значит. Знал только, что голос в его голове стал громче.

— Ты как? — спросила она.

Он вздрогнул. Даже теперь, после всего, он не мог привыкнуть.

— Живой, — ответил он. — А ты?

— Я рядом.

Леха поднял голову. Небо над городом было низким, серым, но где-то на западе, за Волгой, разгорался странный свет. Не закат. Слишком холодный. Слишком ровный.

— Они знают, что я ушел, — сказал он.

— Знают. И уже ищут.

— Что будем делать?

— Уезжать. Сейчас. Пока не подняли дронов.

Он развернулся и пошел к машине. Ноги несли его по снегу, и каждый шаг отдавался в висках. Внутри было пусто и звонко, как в колоколе. Он не оглядывался. Не хотел видеть, как горит место, где его ломали.

Машина открыла дверь сама. Салон встретил его теплом и тихим светом. Леха сел, положил обрывок шарфа на панель.

— Она бы не хотела, чтобы ты винил себя, — сказала Вика.

— Она бы хотела, чтобы я сдох, но не сдался.

— Неправда.

— Правда. Ты просто плохо её помнишь.

В ответ — молчание. Но не пустое. Живое.

Леха положил ладони на подлокотники и закрыл глаза.

— Куда едем? — спросил он.

— Туда, где нас не достанут.

— Таких мест больше нет.

— Значит, сами сделаем такое место.

Машина тихо загудела, приподнялась над снегом и бесшумно двинулась вдоль берега. Позади оставались дым, ветер и черные фигуры, выбегающие из леса.

Они не успели.

А впереди была Волга. Лед. И огромное, холодное небо, в котором, если приглядеться, можно было увидеть едва заметную точку, висящую слишком высоко.

— Что это? — спросил Леха.

— То, что вернулось за мной, — ответила Вика.

— Тогда газ.

Машина взвыла и рванула вперед, оставляя за собой светящийся след на льду.

АКТ I. КОНТАКТ И ИЛЛЮЗИЯ СВОБОДЫ

Глава 1. Точка невозврата

За три недели до этого.

— Ты вообще слышишь, что я тебе говорю?

Вика стояла в дверях кухни, скрестив руки на груди. Красный шарф, который она так и не сняла после улицы, ярким пятном выделялся на фоне серых обоев и серого неба за окном. В комнате пахло остывшим чаем и старой обивкой — запах съемной квартиры, которую оба ненавидели.

Леха сидел за столом, уткнувшись в разобранный карбюратор. Детали были разложены на газете с кроссвордом, который он так и не начал. Он не поднял головы.

— Слышу.

— И что я сказала?

Он вздохнул, отложил отвертку и наконец посмотрел на неё.

— Ты сказала, что я опять просидел весь день в гараже. Что Дэн звонил три раза. Что за квартиру не плачено. Что тебя достало. Я всё слышал.

Вика покачала головой. Её губы сжались в тонкую линию.

— Нет, Леш. Я сказала, что мне предложили работу в Москве. В IT-компании. Нормальные деньги, нормальные перспективы. И что я думаю согласиться.

В комнате повисла тишина. Только капли талой воды с ботинок Вики стучали по линолеуму.

Леха медленно поднялся. Теперь они стояли друг напротив друга — он в старом свитере, пахнувший бензином и табаком, она в мокром пуховике, пахнущая зимой и обидой.

— И когда ты собиралась мне это сказать? — голос у него был ровный, но внутри уже закипало.

— Я говорю сейчас.

— Нет, ты ставишь перед фактом. Это разные вещи.

— Леш, я три месяца ходила на собеседования. Ты хоть раз спросил, как прошло? Ты хоть раз поднял голову от своих тачек?

Он хотел ответить, но слова застряли. Потому что она была права. И это злило еще сильнее.

— Я не поеду в Москву, — выпалил он. — Мне здесь нормально.

— Нормально? — Вика усмехнулась, но глаза остались грустными. — Тебе двадцать два. Ты перебиваешься шабашками, спишь до полудня и единственное, что тебя по-настоящему заводит — это старая «девятка» с мертвым сцеплением. Это не нормально. Это болото.

— А ты, значит, у нас теперь столичная штучка?

Он знал, что это глупо. Знал, что ведет себя как обиженный пацан. Но не мог остановиться. Внутри него всегда жило это — упрямство пополам со страхом. Страхом, что однажды она поймет: он не стоит её.

— Я не «столичная штучка». Я человек, который хочет жить, а не доживать до понедельника.

Она развернулась, взяла с вешалки сумку.

— Мне надо пройтись.

— Давай, пройдишь. Воздух проветри.

Он отвернулся к окну, чтобы не показывать лица. За стеклом — серые пятиэтажки, заснеженный двор, одинокий фонарь, который мигал уже вторую неделю. Где-то там, за домами, блестела Волга — скованная льдом, припорошенная снегом.

— Я не за тем это говорила, — тихо произнесла Вика за его спиной. — Я хотела, чтобы ты... чтобы мы решили вместе.

Леха не обернулся.

— Решили? Ты уже всё решила.

Она помолчала. Потом он услышал, как щелкнул замок.

— Если я уеду — это не значит, что я ухожу от тебя, — сказала она уже из прихожей.

— Это значит, что я тебе не нужен, — бросил он.

Он ждал, что она возразит. Что хлопнет дверью. Что вернется и ударит его сумкой по плечу — так уже было пару раз, и потом они мирились до утра.

Но вместо этого — тишина.

А потом дверь закрылась. Мягко. Почти беззвучно.

Леха выдохнул, уперся лбом в холодное стекло. На подоконнике лежал её браслет — тонкая серебряная цепочка с подвеской-сердцем. Забыла. Или специально оставила.

Он взял его, повертел в пальцах. Внутри подвески было выгравировано: «Л+В». Выцветшие буквы, поцарапанные временем.

— Идиот, — сказал он самому себе.

Он надел куртку, сунул браслет в нагрудный карман и вышел из квартиры, даже не закрыв дверь.

На лестничной клетке пахло сыростью и кошачьей мочой. С третьего этажа доносилась чья-то ругань. Где-то наверху орал телевизор. Обычный подъезд обычной панельки на окраине города, которого нет на туристических картах.

Он вышел во двор. Вики нигде не было видно. Следы на снегу вели в сторону остановки.

Леха сунул руки в карманы и пошел в другую сторону — к реке.

Он знал, что надо догнать её. Знал, что надо сказать что-то правильное, взрослое, что-то, что он не мог придумать все эти годы. Но вместо этого он шел к Волге, под ногами скрипел снег, и где-то высоко в небе начинал разгораться странный, неестественный свет.

Сначала он подумал — вертолет.

Потом — фейерверк. Хотя какие фейерверки в будний вечер?

А потом небо раскололось.

Это был не гром. Это было нечто другое — низкий, вибрирующий звук, от которого задрожали стекла в окрестных домах и залаляли собаки во всех дворах разом.

Леха поднял голову.

То, что он увидел, заставило его остановиться посреди улицы, забыв про холод, про Вику, про злость, про всё.

Над Волгой, на высоте в несколько сотен метров, висели два объекта.

Один был огромный, угловатый, с рваными краями, похожий на осколок обсидиана, выброшенный из жерла вулкана. Второй — меньше, стремительный, с плавными обводами, мерцающий синими огнями.

Они двигались так, как не должна двигаться ни одна земная техника. Резко, под немыслимыми углами, не снижая скорости. Первый бил чем-то невидимым, но от этих ударов воздух вокруг сжимался в видимые кольца. Второй уворачивался, отвечал.

Они сражались.

Это было похоже на танец. Смертельный, красивый, абсолютно невозможный.

А потом меньший корабль выпустил залп.

Огненная дуга прочертила сумеречное небо и врезалась в корпус противника. Взрыв был беззвучным — только ослепительная вспышка, от которой на секунду стало светло как днем. Большой корабль качнулся, накренился и начал падать.

Он падал недалеко — где-то за рекой, в районе старой промзоны. Леха видел, как вспыхнули деревья, как поднялось облако снега и пара.

Второй корабль на несколько секунд завис над местом падения. Потом резко, беззвучно, рванул вверх, оставляя за собой инверсионный след.

Через три секунды он исчез в облаках.

Леха стоял, задрал голову, и не мог пошевелиться. Сердце колотилось где-то в горле. В ушах звенело.

— Это... не может быть, — прошептал он.

Но это было.

Снег вокруг продолжал падать. Где-то сзади закричала женщина. Завыла сирена — пока далеко, но уже настойчиво.

А у него в кармане завибрировал телефон.

«Вы выходите из зоны покрытия».

Леха посмотрел на экран, потом на лед Волги, который виднелся в просвете между домами. Отсюда до места падения было километра три. Может, меньше. По прямой — через реку.

Он понимал, что делать этого нельзя. Понимал, что должен идти домой, звонить Вике, вызывать МЧС, эвакуироваться. Понимал, что это какая-то аномалия, военные учения, метеорит, что угодно.

Но ноги уже несли его к реке.

Потому что впервые за двадцать два года в его серой, унылой, никому не нужной жизни случилось нечто, ради чего стоило рискнуть.

Он не знал, что этот шаг будет стоить ему всего.

Он не знал, что за ним уже наблюдают.

И он не знал, что в двух километрах от него, в сугробе на берегу, лежит существо, которое через три недели станет его единственным шансом на искупление.

Существо подняло голову.

Боль пронзила его тело.

Оно посмотрело в сторону города — туда, откуда приближался человек.

И усмехнулось.

Люди.

Конечно, это будут люди.

Всегда люди.

Глава 2. Точка невозврата

Он шёл по льду, и Волга дышала под ним.

Снег прекратился так же внезапно, как начался. Небо очистилось, вызвездило — колючие зимние звезды рассыпались по черному бархату, отражаясь в замерзшей глади. Где-то далеко на левом берегу мигали огни порта, но здесь, в центре реки, была только тишина. Звонящая, мёртвая.

Леха продвигался быстро, пригнувшись, как будто за ним уже кто-то следил. Он сам не понимал, откуда взялся этот инстинкт. Может, от того, что в ушах всё ещё стоял звук расколотого неба. Или от того, что в момент падения корабля мир стал другим — и это ощущалось на уровне спинного мозга.

Лёд под ногами был припорошен снегом, но местами проглядывал черный, почти стеклянный. В такую погоду по центру Волги не ходил никто — слишком опасно, слишком глубоко, слишком далеко до людей.

Но ему было плевать.

Он уже дважды проваливался в сугробы по колено и трижды поскальзывался, но продолжал идти. Потому что боялся, что если остановится — передумает.

Корабль упал на том берегу, чуть левее старой баржи, вмерзшей в лёд ещё в ноябре. Отсюда, с середины реки, было видно: в стороне промзоны поднимался столб серого дыма, подсвеченный аварийными синими огнями.

Пожарные ещё не добрались. Или не смогли.

Леха прибавил шаг. Мороз обжигал щеки, но внутри было жарко — от страха пополам с азартом.

Он не знал, что найдёт на месте крушения. Не знал, зачем идёт. Знал только, что не может остаться в стороне.

Когда до берега оставалось метров сто, он услышал голоса.

Прижался к нагромождению ледяных торосов, вжался в снег. Сердце колотилось где-то в горле.

У кромки воды стояли двое. В темноте было не разобрать лиц, только силуэты. Один — в длинном черном пальто, без шапки. Второй — в камуфляже, с фонарём.

— ...фиксировал? — спросил первый. Голос был низкий, властный.

— Чисто. Местные не подтянулись. Группа уже внутри периметра.

— Артефакт?

— Цел. Эвакуация через час. Не успеем — накроют журналисты.

Тот, что в пальто, помолчал. Потом произнес тихо, но Леха разобрал каждое слово:

— Мы не можем допустить, чтобы эта технология попала в чужие руки. Если что — ты знаешь протокол.

— Зачистить?

— Ликвидировать. Носитель вторичен.

Леха замер. Снег под ним скрипнул, но, кажется, они не услышали.

Первый развернулся и пошёл вдоль берега, второй за ним. Луч фонаря метнулся по снегу, выхватил из темноты ржавый остов баржи, ушёл в сторону.

Они уходили налево, к дороге. А корабль, судя по дыму, лежал правее.

Леха выждал секунд тридцать, пока силуэты не растаяли в темноте, и пополз. Не пошёл — пополз, потому что инстинкт орал: не вставай.

Он двигался вдоль берега, прижимаясь к камышам. Снег забивался в рукава, ледяная корка царапала ладони. Дыхание срывалось в клубы пара.

Через сотню метров он увидел это.

Корабль был меньше, чем казался с неба. Метров двадцать в длину, не больше. Он лежал на боку, вмявшись в берег, как кит, выброшенный штормом. Корпус из тёмного, почти чёрного металла, покрытый странными разводами — не то сажей, не то узорами. По краям оплавленные дыры, из которых сочился едкий дымок.

Но самое главное — внутри горел свет.

Ровный, холодный, голубоватый. Он лился из трещин в обшивке, как из разбитого аквариума. И он пульсировал — медленно, ритмично, словно дыхание.

Леха присел за ствол поваленного дерева. Голова кружилась — то ли от мороза, то ли от увиденного.

— Твою мать, — прошептал он. — Это не метеорит.

Он не знал, как долго сидел там, пытаясь выровнять дыхание. Секунды? Минуты? Время словно загустело, стало вязким.

Потом изнутри корабля донесся звук.

Металлический скрежет. Шаги. Или то, что было похоже на шаги.

Леха вжался в снег.

Из разлома в корпусе, что был ближе к воде, показалась фигура. Сначала — длинная трехпалая рука, цепляющаяся за оплавленный край. Потом — голова. Потом — всё остальное.

Это было существо, отдаленно напоминающее человека, но с пропорциями, от которых у Лехи внутри всё похолодело. Высокое, тощее, с кожей цвета мокрого пепла. Левая рука отсутствовала по локоть, из раны сочилась серебристая жидкость. Существо двигалось рывками, как сломанная кукла, и с каждым движением из его груди вырывался низкий, булькающий звук.

Оно ползло. Медленно, упорно, оставляя на снегу блестящий след.

В сторону стройки.

Леха лежал и смотрел, как оно удаляется. Страх был такой сильный, что он не мог пошевелиться. Ноги словно примёрзли к земле. В голове билась одна мысль: не дышать. Не смотреть. Не существовать.

Существо добралось до бетонного забора, оперлось на него, с трудом перевалилось и исчезло в темноте.

И только тогда Леха выдохнул.

Воздух обжёг лёгкие. Его трясло. Морозно, но по спине стекал пот.

Он хотел встать и уйти. Прямо сейчас. Бросить всё, забыть, как страшный сон.

Но свет внутри корабля всё ещё пульсировал. Он словно звал. Или дышал. Или ждал.

И Леха знал, что если сейчас уйдет — больше никогда не простит себе. Потому что это было нечто. Не военные учения, не китайский дрон, не секретный проект. Это было не отсюда.

Он встал.

Ноги не слушались, но он всё равно сделал шаг. Потом ещё один.

Подожёл к разлому, из которого выползло существо. Заглянул внутрь.

Пахло не так, как должно пахнуть в упавшем корабле. Никакой гари, машинного масла, жженой проводки. Внутри пахло озоном и чем-то сладковатым, как после грозы в цветущем саду.

Леха протиснулся в щель. Острые края обшивки цеплялись за куртку, но он не чувствовал боли.

Внутри было светло.

Голубоватый свет лился отовсюду — из стен, из потолка, из-под ног. Он не мерцал, не дрожал. Он просто был. Как будто сам воздух здесь светился.

Помещение было небольшое, закругляющееся кверху. Никаких панелей, кнопок, экранов. Только плавные линии, как изнутри раковины.

А в центре стояло оно.

То, что Леха поначалу принял за груды металла.

Автомобиль

Он был похож на земную машину, но только отдаленно. Те же четыре колеса, те же обводы, но всё остальное — чужое. Слишком гладкий корпус, слишком тёмный, поглощающий свет. Никаких фар, никаких зеркал, никаких дверных ручек. Только чёрный, как смоль, корпус, в котором отражались голубые стены.

И никаких следов того, кто им управлял.

Леха сделал шаг вперёд. Ещё один.

Он не понимал, что делает. Просто протянул руку, как загипнотизированный.

Ладонь коснулась поверхности.

Металл был тёплым.

Мгновенно по руке пробежала волна тепла, поднялась к плечу, к затылку. В голове вспыхнуло что-то — яркое, чужое, как чей-то сон. Он увидел небо, но не такое, как над Волгой, а багровое, с двумя лунами. Увидел города, парящие над облаками. Увидел существ, похожих на того, что уполз к стройке.

А потом всё оборвалось.

Машина загудела — низко, глубоко, на грани слышимости. По корпусу пробежали светящиеся линии — как вены, наполненные светом. Она включилась.

Леха отшатнулся, ударился спиной о стену, сполз вниз.

— Нет-нет-нет... — забормотал он. — Это нереально...

Но было поздно.

Машина узнала его.

Дверь, которую он не видел, плавно отъехала в сторону, приглашая внутрь.

Салон засветился мягким белым светом.

И Леха, двадцатидвухлетний парень из приволжской глубинки, который ещё утром ругался с девушкой из-за карбюратора, понял: он только что стал кем-то другим.

Вдалеке завывала сирена.

Настоящая, земная. Полиция или скорой — неважно. Кто-то всё-таки заметил корабль.

Леха закрыл глаза, глубоко вдохнул. В голове билась только одна мысль:

Если я сяду в эту штуку — обратного пути не будет.

Он открыл глаза и шагнул в салон.

Глава 3. Слияние

Салон был теплым.

Это первое, что почувствовал Леха. Не жарким, не душным — именно теплым, как нагретая солнцем комната в марте. Воздух был плотным, чуть сладковатым, и пахло так же, как снаружи — озоном и чем-то неуловимо цветочным.

Дверь за ним закрылась сама. Без звука. Просто скользнула на место, отрезав внешний мир.

Леха замер.

Внутри не было ни руля, ни педалей, ни приборной панели. Только гладкая полукруглая капсула, обтянутая материалом, похожим на матовую кожу. Перед ним — панорамное стекло, прозрачное изнутри, хотя снаружи корпус казался глухим. Под ногами — темный пол, слегка пружинящий.

Он сидел в кресле, которое само подстроилось под его тело. Обхватило бока, поддержало поясницу, приподняло голову. Как будто машина обняла его.

— Так, — сказал он вслух, чтобы не сойти с ума. — Так. Спокойно. Ты просто сидишь в инопланетной тачке. Ничего особенного. Бывает.

Голос дрожал. Руки вцепились в подлокотники.

В тот же миг по салону пробежала волна света — от ног к потолку. Мягкая, голубоватая. И в голове что-то щелкнуло.

Не звук. Ощущение.

Как будто кто-то осторожно коснулся его мыслей. Не грубо, не насильно — мягко, как пальцем по воде. Леха почувствовал присутствие. Не враждебное. Изучающее.

— Эй, — прошептал он. — Ты... ты меня слышишь?

В ответ — тишина. Но не пустая. Наполненная.

А потом машина показала ему.

В голове вспыхнули образы. Не слова — картинки. Как сон, но ярче. Он увидел, как машина несется над водой, не касаясь волн. Как взмывает в небо, оставляя за собой шлейф света. Как проходит сквозь скалы, не разрушая их. И всё это — быстро, рвано, как нарезка чужих воспоминаний.

Леха зажмурился, схватился за виски.

— Хватит! Хватит!

Образы исчезли так же резко, как появились. Осталась только лёгкая пульсация в затылке.

Он открыл глаза. Салон снова был просто салоном. Тихим, теплым, замкнутым.

Снаружи завывала сирена. Теперь ближе. И еще одна — с другой стороны. Корабль обнаружили.

Леха глянул в панорамное стекло. Отсюда было видно, как по берегу забегали лучи фонарей — люди в форме, человек пять. Они двигались быстро, по-военному, рассыпаясь цепью. Один показывал рукой в сторону разлома.

Сюда

— Мне нужно выбирать, — произнес Леха, и в этот момент всё изменилось.

Машина ответила.

Пол под ногами едва заметно завибрировал. Потолок засветился мягким белым светом. Из панели перед ним выдвинулась тонкая светящаяся нить, замерла в воздухе, покачиваясь, как змея перед броском.

— Нет-нет-нет, подожди...

Но машина уже не слушала.

Она чувствовала его страх. И страх был командой.

Двигатель включился беззвучно. Только дрожь где-то в самом сердце машины подсказала: она ожила. Панорамное стекло на мгновение потемнело, а потом по нему побежали цифры — не земные, не двоичный код, а что-то вроде символов, сплетающихся в спирали.

Леха вжался в кресло.

— Я не умею! Слышишь?! Я не знаю, как тобой управлять!

Вместо ответа — новая волна образов. Мягче. Спокойнее.

Доверься

Он не знал, было ли это слово. Но именно так это ощущалось.

Снаружи раздался крик. Луч фонаря ударил прямо в панорамное стекло.

Леха дернулся — и машина дернулась вместе с ним.

Резко, рывком, она рванула вперёд, пробила обшивку корабля, как бумагу, и вылетела на снег, подняв облако ледяной пыли.

Люди на берегу попадали, кто-то закричал. Лучи фонарей заметались по небу.

А машина неслась по берегу, оставляя за собой два сияющих следа, похожих на расплавленное серебро.

Леха орал.

Он вцепился в подлокотники, но управлять не мог. Да и не было ничего, чем можно было управлять. Ни руля, ни педалей. Только его собственные мысли, которые метались, как перепуганные птицы.

Налево! Нет! Направо! Стой! Быстрее!

Машина слушалась каждой панической команды. Она виляла, подпрыгивала, разворачивалась на месте, снова рвалась вперёд. Один раз едва не влетела в дерево, но в последний миг каким-то чудом обошла его по дуге.

— Сто-о-ой! — заорал Леха.

Машина остановилась. Мгновенно, без инерции, как будто кто-то нажал на паузу.

Леха откинулся на спинку, хватая ртом воздух. Сердце колотилось где-то в ушах. Перед глазамиплыли круги.

Он посмотрел в зеркало. Зеркал не было. Но по боковому стеклу он увидел: позади, на берегу, остались только двое людей в черном, они стояли и смотрели ему вслед. Не бежали, не стреляли. Просто смотрели.

Один из них поднял руку к уху. Рация.

— Они засекли меня, — выдохнул Леха. — Они видели...

Машина молчала. Только огни на панели мягко пульсировали в такт его сердцу.

Он закрыл глаза и попытался мыслить. Медленно, как учил старый тренер по боксу: вдох — выдох, вдох — выдох.

Думай о доме. Думай об ангаре у реки. Там никто не найдет.

Образ старого ангара вспыхнул в голове. Ржавые ворота, грязный снег, низкие своды. Он сто лет там не был, но помнил каждый угол.

Машина тихо качнулась. Не как транспорт — как живое существо, которое потянулось после сна.

И поехала

Плавно, без рывков, скользя над снегом. Не по дороге — по бездорожью, через сугробы, между деревьями. Как будто не касалась земли.

Леха сначала сжался, ожидая новой паники. Но паники не было.

Машина двигалась сама, и в этом движении было что-то успокаивающее. Ровное. Почти нежное.

— Ты... поняла? — прошептал он. — Ты видишь, что я вижу?

Ответом была мягкая волна тепла от подголовника. Не слова. Но он понял: да.

Через несколько минут они уже были у ангара.

Старое кирпичное здание на отшибе, куда свозили никому не нужные баржи и списанные контейнеры. Место, о котором знали только местные пацаны да бомжи. Ворота были открыты ровно настолько, чтобы протиснуться внутрь.

Машина остановилась у входа и погасила огни.

Леха сидел в тишине, и постепенно до него начало доходить, что произошло.

Он нашел инопланетный корабль. Увидел пришельца. Залез внутрь. Угнал инопланетную машину. Которая управляется мыслями. И которая, судя по всему, теперь считает его своим пилотом.

Он засмеялся.

Тихо, нервно, истерично. Потом закашлялся, схватился за грудь.

— Я сошел с ума, — сказал он в темноту. — Или мир сошел с ума. Одно из двух.

В голове всплыло лицо Вики.

Он вспомнил, как она стояла в дверях с красным шарфом и говорила, что уезжает в Москву. Вспомнил, как хлопнула дверь. Вспомнил, как браслет с гравировкой остался лежать на подоконнике.

— Боже, — прошептал он. — Вика...

Он вытащил телефон. Экран треснул — видимо, когда падал в корабле. Но сенсор работал.

Сообщение от неё. Одно.

«Я не уезжаю. Давай поговорим. Сегодня поздно, завтра утром. Вика».

Леха смотрел на экран, и в груди что-то медленно отпускало. Сжималось до этого, как пружина. Теперь ослабло.

Она не уехала.

Она хотела поговорить.

Он перечитал сообщение трижды, потом откинул голову на подголовник и закрыл глаза.

— Завтра, — сказал он вслух. — Я всё расскажу тебе завтра.

Машина тихо мигнула в ответ.

Глава 4. Пассажир

Дэн жил в панельке на другом конце города, в квартире, которая досталась ему от бабки. Пахло там жареной картошкой, старыми обоями и вечным сквозняком. Леха позвонил в дверь в начале восьмого утра.

Дверь открылась не сразу. Сначала зашуршал глазок, потом загрохотал замок, и на пороге возник Дэн — взлохмаченный, в мятой футболке с надписью «ЗОЖ — это к врачу» и семейных трусах до колен.

— Охренеть, — сказал он вместо приветствия. — Ты знаешь, который час?

— У меня есть кое-что, — тихо сказал Леха, и Дэн мгновенно проснулся.

Он всегда так реагировал. Стоило только понизить голос и добавить многозначительности, как в его рыжих глазах загорался нездоровый интерес. Дэн был тем самым другом, с которым можно угнать мопед в ночь, не зная, где тормоза. И тем, кто потом будет ржать, когда вас ловит наряд ППС.

— Проходи, — он посторонился. — Только тихо, у меня соседка после суток. Если начнет стучать по батарее — валим.

Леха вошел. В квартире воняло вчерашним пивом и сигаретами, хотя сам Дэн не курил — просто никогда не открывал окна. На кухне на плите стояла сковорода с застывшим яичницей. Телевизор бормотал что-то про аномальные явления в небе над регионом.

— Ты вчера вообще спал? — спросил Дэн, наливая себе холодный чай из банки.

— Нет

— И где был? Вика звонила мне. Спрашивала, где ты, что ты, не творишь ли фигню. Я сказал, что ты у меня.

— Спасибо

— Да не за что. Но знай: я теперь твой алиби. Если ты кого-то убил, то у меня был с тобой. Мы смотрели футбол. Я даже придумаю, какой счет был.

Леха сел на табурет, положил руки на колени и посмотрел на друга. Внутри всё дрожало — от недосыпа, от холода, от того, что он так и не смог заставить себя уйти из ангара до рассвета. Он не спал ни минуты. Просто сидел в машине, слушал ее дыхание и пытался понять, что делать дальше.

— Дэн, — сказал он. — Ты помнишь вчерашнюю вспышку над Волгой?

— Ну. По телеку уже крутят. Метеорит, говорят. Или спутник упал. Врут, конечно.

— Почему врут?

Дэн отпил чай, поморщился.

— Потому что я вчера с балкона курил и видел, как две штуки в небе дрались. Это был не метеорит, Леха. Это было... не наше.

Повисла пауза.

Леха смотрел на него, а внутри поднималось странное, горькое облегчение. Кто-то еще видел. Кто-то еще знал. Значит, он не сошел с ума.

— Идем, — сказал он, вставая.

— Куда?

— Увидишь.

Он не стал рассказывать по дороге. Дэн всю жизнь был балаболом, но умел держать паузу, когда чувствовал: происходит что-то серьезное. Они шли по заснеженным дворам, мимо рыночной площади, где уже разворачивали палатки с хозтоварами, мимо гаражей, у которых вечно тусовались местные алкаши, и всё это выглядело так буднично, так по-советски, что Лехе на мгновение показалось — вчерашнего не было.

Но когда они подошли к ангару, Дэн остановился.

— Слушай, а чего я такой спокойный? — спросил он. — У тебя лицо, как у человека, который нашел труп. Ты меня туда зачем ведешь?

— Затем, что если я тебе не покажу, то взорвусь изнутри.

Он подошел к воротам, потянул створку. Та заскрипела, как старый кит.

Внутри было темно и холодно. Свет падал только из узкого окна под потолком, прорезая пыльный воздух. И в этом луче стояла Она.

Машина.

Дэн замер на пороге.

— Это что за херня? — голос у него сел.

— Это то, что упало вчера за рекой.

— Леха, это тачка. Обычная тачка.

— Зайди

Они подошли ближе. Корпус машины был всё тем же — черным, матовым, пожирающим свет. Никаких бликов, никаких отражений. Она стояла на холодном бетонном полу, и казалось, что воздух вокруг неё дрожит.

— Это не обычная тачка, — тихо сказал Леха. — Она управляется мыслями. Я сел внутрь, и она... поехала. Сама.

Дэн перевел взгляд с машины на друга, потом обратно.

— Ты торкнулся?

— Сам ты торкнулся.

— Леха, я всё понимаю: ссора с Викой, скука, зима, кризис четверти жизни. Но это... — он сделал шаг к машине, наклонился, заглянул в стекло. — Это похоже на «Майбах» из будущего. Откуда она здесь?

— Я же говорю. Из корабля.

Дэн выпрямился, сунул руки в карманы. Вид у него был недоверчивый, но в глазах уже мелькало то самое — бешеное любопытство.

— Докажи

— Что?

— Что она ездит силой мысли. Скажи ей что-нибудь.

— Я не знаю, как это работает. Она вчера реагировала сама.

— Ну так попробуй.

Леха подошел к машине, коснулся капота. Металл был теплым, как живой. В голове снова шевельнулось то присутствие — мягкое, ждущее. Он закрыл глаза и представил, как дверь открывается.

Дверь открылась.

Бесшумно, плавно, как в дорогой иномарке.

Дэн отшатнулся.

— Охренеть...

— Я же говорил.

— Она открылась! Слышь, открой вторую!

Леха представил вторую. Машина послушалась.

Дэн уже не сомневался. Он обошел вокруг, потрогал колеса, пнул покрышку, заглянул в салон. Внутри всё так же пахло озоном и чем-то цветочным.

— А если она нас сейчас завезет куда-нибудь в космос? — спросил он с опаской.

— Не завезет. Она... спокойная.

— Она?! Ты её уже бабой называешь? У тебя с ней интим?

— Иди ты.

Дэн хохотнул, но смех получился нервным. Он снова заглянул в салон, потом на крышу, потом на колеса.

— Слышь, а на что она вообще способна? Максимальная какая?

— Я не знаю. Я вчера чуть в дерево не влетел.

— Значит, надо тест-драйв. По-нашему. По-пацански.

Леха хотел возразить. Хотел сказать, что это опасно, что за ним уже могли следить, что это не игрушка. Но Дэн уже сел в пассажирское кресло и смотрел на него с таким детским восторгом, что все слова застряли в горле.

— Ну? — поторопил Дэн. — Чего стоишь? Командуй.

Леха сел за «руль». Точнее, в кресло, где должен был быть руль. Машина мягко подстроилась под него, сомкнула подлокотники. Дэн тихо ойкнул, когда его кресло сделало то же самое.

— Не ссы, — сказал Леха.

— Я и не ссу. Просто... оно меня трогает.

Машина загудела. Низко, глубоко, на грани инфразвука.

— Куда едем? — спросил Дэн.

— Не знаю. Просто... вперед.

И она поехала.

Ворота ангара распахнулись сами. Машина выплыла на снег, как призрак, и рванула по бездорожью. Дэн заорал — но не от страха, а от восторга. Леха вцепился в подлокотники, пытаясь удержать в голове картинку: поле, лес, дорога.

Скорость нарастала.

Стрелки не было, но Леха чувствовал, как мир за стеклом превращается в белую ленту. Машина не ехала — она стелилась над снегом, едва касаясь колесами. Иногда её заносило, но она тут же выравнивалась, как будто сама исправляла ошибку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.